

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлен политологический анализ российской организованной преступности как социального явления, рассмотрены основные факторы ее эволюции в исторической перспективе, сформулированы обусловленные ею угрозы безопасности.

The article presents a political analysis of Russian organized crime as a social phenomenon, the basic factors of its evolution from a historical perspective, formulated due to its security threats.

Ключевые слова: организованная преступность, институционализация, угрозы безопасности, Юг России.

Keywords: organized crime, institutionalization, security threats, South Russia.

Организованная преступность является заметным фактором общественной жизни, оказывающим значительное влияние на различные аспекты национально-государственного строительства всех государств, в том числе и России, формирующим очевидные и латентные угрозы безопасности в различных сферах жизнедеятельности.

Множество подходов и оценок данного явления занимают широкий диапазон: от резко негативных до сдержанно позитивных. В публицистических и научных работах последних двух десятилетий отмечается, что данное явление образует очевидные угрозы безопасности личности, общества и государства, высказываются мнения о слиянии структур организованной преступности с официальными государственными институтами России, что чревато вырождением российской государственности, засильем «мафиократии» во всех проявлениях общественной жизни. С другой стороны, ряд авторов отмечают, что организованная преступность, обладая признаками социального института, выполняет общественно значимые функции. В экономической сфере она демонстрирует модель адаптации к бюрократическим, инерционным, ригидным социальным рамкам, зачастую более эффективно чем государство дублирует его юридические и карательные функции, что позволяет характеризовать ее как замещающий и дополняющий девиантный социальный институт [1].

Анализ данной проблематики требует, прежде всего, определения предмета изучения, ясной дефиниции. Это не простая задача, поскольку организованная преступность в современном мире стала весьма сложным фактором общественной жизни, имеет различные виды и содержательные элементы, на которые накладываются отпечаток специфика географических и этнических различий, экономические особенности. Профессор Клаус фон Лампе собрал более 160 определений этого явления [2].

Поскольку данный термин имеет множество толкований, ограничим его обозначением устойчивых сообществ профессиональных преступников, созданных для систематического получения доходов от незаконной деятельности. Определяющими характеристиками изучаемого явления представляются устойчивость и наличие иерархической структуры подобных организаций, долговременность и плановость их деятельности, постоянное стремление к увеличению прибыли и сверхдоходам, специализация в различных видах криминального «промысла», а также наличие и регулярное пополнение финансовой базы развития и страхового фонда криминальной структуры (так называемый «общак»). Принципиально важным признаком современной оргпреступности является наличие коррумпированных связей с представителями государственного аппарата.

Организованная преступность как социальное явление представляет особый интерес в последние сто лет, поскольку в этот период индустриальной

эпохи происходит ее коренное изменение, а именно – переход от преимущественно насильственного, мошеннического и подобного перераспределения личных и общественных богатств к рациональной деятельности по производству потребительских благ, разного рода услуг, как правило, незаконного характера. Осуществляется инфильтрация криминальных капиталов, методов и схем получения доходов в легальное производство, законные виды бизнеса, развивается их взаимовлияние. Таким образом, оргпреступность в указанный период становится экономическим феноменом общественной жизни.

Чтобы оценить динамику и направления этого процесса, необходима небольшая историческая ретроспектива. Известно, что устойчивые организации профессиональных преступников существовали до нашей эры, в Римской Империи они уже являлись проблемой для государства, т.к. пытались контролировать определенные сферы экономики. В средневековых городах действовали высокоорганизованные банды воров, грабителей и т.п., созданные по образцу ремесленного цеха. Об уровне развития «воровского ремесла» дает представление архив прокурора города Дижона, в котором сохранились материалы допросов членов банды Кокийяров, пойманных в 1454 г. [3]. Судя по документам, это было многочисленное и многопрофильное объединение, схожее с современной организованной преступной группой. Они имели свой собственный язык, обряд посвящения, давали клятву. Неписанный кодекс поведения и норм регулировал жизнь внутри банды и отношения с внешним миром. В их преступной деятельности существовала узкая специализация, схожая с «воровскими профессиями» XX века. В этих специальностях существовала иерархия, система профессиональной учебы, была возможность карьерного роста до высшей ступени мастерства – «мэтра». Известно, что в средневековой Руси также существовали подобные шайки, а в периоды смут целые деревни жили разбоем.

В СССР, имевшем жесткую централизованную систему управления и контроля, уровень преступности был сравнительно невелик, что позволяло до середины 1980-х годов отрицать существование оргпреступности в стране. Это не совсем так. В начале 1930-х годов в стране сложился институт «воров в законе», которые сформировала неписанный свод «понятий» и систему взаимоотношений между профессиональными преступниками. Однако они избегали создания «межотраслевых» криминальных организаций и опасались посягать на функции государства, поскольку это влекло жесткие репрессии со стороны государственных органов. Собственно,

в конце 50-х годов XX века МВД СССР осуществило массовые репрессии против воровской элиты в местах лишения свободы [4], поскольку возрос уровень их организованности, они стали оказывать заметное влияние на криминальный мир, объективно сформировали угрозы безопасности государства.

В конце 1950-х годов с развитием хозяйственного механизма и подъемом экономики, когда помимо централизованной и строго управляемой оборонной индустрии также расширилось производство товаров народного потребления, начинают формироваться предпосылки оргпреступности в рассматриваемом смысле. Ее устойчивые структуры складываются к началу 1970-х годов. Тогда в массовом порядке начали создаваться подпольные цеха и фабрики, через которые расхищались государственные средства и сырьевые ресурсы, происходило сращивание экономической и общеуголовной преступности. Появление множества «цеховиков» означало становление «беловоротничковой» преступности и развитие экономической составляющей организованной криминальной деятельности, которая сыграла серьезную роль в последовавшем социально-политическом кризисе 80-х – 90-х годов.

Суть этого периода хорошо передает мысль Э. Дюркгейма о том, что преступление не только требует социальных изменений, но и само может подготовить такие изменения [5]. Организованная преступность, ставшая в России конца XX века многофункциональным социальным институтом, выявила непрочность государственных институтов и общественного устройства, ускорила слом существовавшей и складывание иной социальной системы.

В 1990-х годах в РФ резко увеличились показатели криминальной обстановки, кардинально возросло число организованных преступных группировок (ОПГ) и объединяющих их сообществ (ОПС)*. Наряду с традиционными сферами своей деятельности – незаконный оборот наркотиков, оружия, нелегальная миграция, проституция, торговля людьми и пр., они значительно упрочили позиции в высокодоходных отраслях легальной экономики, через коррумпированные связи в госаппарате приняли активное участие в переделе госсобственности.

По оценкам сотрудников правоохранительных органов, наибольшее распространение преступные сообщества получили на юге страны в экономически привлекательных регионах. [6]. Как и в преды-

* Существуют разные статистические показатели роста числа совершенных преступлений, численности ОПГ, ОПС и их членов. Однако руководители органов внутренних дел и иных структур, причастных к борьбе с организованной преступностью, отмечают, что эти цифры неточны, имеют оценочный характер.

дущие эпохи, они тяготеют к промышленным центрам, крупным городам. В рамках существующих административно-территориальных единиц они делят между собой районы и сферы влияния, высокодоходные объекты, решают конфликты, координируют широкомасштабные меры противодействия силовым структурам, организуют контроль над деятельностью органов государства.

Возросшее влияние оргпреступности в России позволило ей перестраивать под себя общественные институты, оказывать серьезное влияние не только на экономическую сферу, но и претендовать на решающие позиции в политической жизни. Стремление криминальных лидеров участвовать в политике проявлялось не только в установлении коррупционных отношений с чиновниками и депутатами разного уровня для участия в разделе госсобственности, проведении нужных законов, но также и в попытках некоторых из них лично занять должность в госаппарате или выборных органах. На Юге России вызвал заметный общественный резонанс прецедент, когда в 1999 году лидер «Солнцевской» ОПГ С. Михайлов, известный в криминальных кругах под кличкой «Михась», выдвинул свою кандидатуру в Таганрогском округе № 148 на выборах депутатов Госдумы [7].

Остается спорным вопрос – удалось ли государству преодолеть эти тенденции, или же заключено молчаливое перемирие, либо представители государства в массовом порядке установили взаимовыгодный коррупционный симбиоз со структурами оргпреступности. Периодически в медиапространстве появляются сведения, говорящие в пользу какой-либо из названных версий.

Так, роспуск в 2008 г. РУБОП (региональных управлений по борьбе с оргпреступностью) аргументировали тем, что ситуация нормализована и организованная преступность в целом побеждена. Однако после массового убийства в 2010 г. в станице Кушевской, совершенного членами ОПГ «Цапок», губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачев заявил, что подобные банды существуют в каждом районе Кубани. Примечательно, что лидер Кушевского преступного сообщества С.В. Цапок был районным депутатом, кандидатом социологических наук, одним из крупных предпринимателей региона. Затем проверки в городе Гусь-Хрустальном после обращения жителей к В.В. Путину о разгуле бандитизма, а также ряд аналогичных событий показали, что эта ситуация типична не только для Краснодарского края [8].

Многие эксперты высказывают мнение, что в настоящее время криминальная среда еще больше структурировалась, стала жестче и опасней для

общества, вокруг нее в обществе сформировалось массовое окружение, чьи доходы зависят от преступной деятельности. Значительная часть криминальных лидеров, выживших после накопления и концентрации первоначального капитала, наладили в своем бизнесе относительно безопасный баланс между преступными и легальными методами, обрели позиции в органах власти и управления, установили экономические связи с юридическими организациями, узаконили свои силовые структуры в статусе охранных предприятий. Это не означает их полной интеграции в законное предпринимательство, отказа от противоправных методов деятельности. Напротив, эксперты говорят о развитии транснациональных связей между конкурировавшими сообществами, выработке новых форм получения незаконных сверхдоходов.

Следуя новым тенденциям в производственной сфере, профессиональные преступники также налаживают новую логику своего бизнеса. Так, получает распространение схема создания несколькими «специалистами» кратковременного криминального альянса для реализации определенного проекта, для чего привлекаются профессиональные «подрядчики» из различных сфер деятельности – от боевиков до высококлассных юристов. [9]. Наиболее отчетливо подобные перемены видны в рейдерской деятельности по захвату доходных предприятий и иных объектов, которая основана на полуправильных методах, использует возможности различного толкования правовых норм, пробелы в законодательстве, параллельно применяя криминальные методы (запугивание, насилие, убийство). Вероятно традиционную мафиозную «семью», основанную на строгой иерархии и кодексе поведения, сменяет новый тип криминального объединения по профессиональному признаку, скрепленный узкопрофильной преступной деятельностью или реализацией отдельного проекта.

Подводя итоги, представляется необходимым сформулировать некоторые обобщения и выводы.

Сравнение организации преступных сообществ у разных народов и в разные эпохи демонстрирует их схожесть с традиционной общиной. Криминальные организации всегда в большей или меньшей степени имитировали структуру социальных образований, идеологические и культурные формы соответствующей эпохи. В новейшее время они воспроизводят особенности легального бизнеса, в определенной части становятся социальным институтом. Усиливается его взаимовлияние с институтами традиционного лоялистского общества. Оргпреступность обретает признаки масштабного

экономического и политического явления, внедряет в общество собственную систему регламентов, корпоративных норм и альтернативных социокультурных установок.

Система культурных символов организованной преступности (воровская «феня», татуировки, клички и пр.) проникает в общественное сознание. На фоне слома старой системы ценностей и дисфункции социальных институтов, в условиях возникновения новых колоритных явлений, не имеющих аналогов в наличном опыте большинства граждан, общество воспринимало и приняло лексику, стилизованную под воровской жаргон, а с ней и соответствующие идеи, установки. Средства массовой информации и даже высокопоставленные правительственные чиновники с высоких трибун озвучивали всевозможные вариации на темы «крышевания», «кидалова», «разборок» и т.п. Благодаря упрощенной, примитивной схеме мира – «свои против чужих», эмоциональности и метафоричности, обороты воровского жаргона, а с ними и установки преступного мира осуществили в 1990-е годы идеологическую экспансию не только в лексикон, но и в мировосприятие, систему смыслов и ценностей общества. Произошла заметная социокультурная архаизация массового сознания, что отразилось в снижении ценности человеческой жизни, распространении насилия, абсолютизации материального успеха и т.п.

Однако мнение о победе в России «мафиократии», как о полном подчинении государственных институтов интересам организованной преступности и ее решающем влиянии на все стороны общественной жизни, представляется преувеличенным и излишне эмоциональным. Этому противоречит хотя бы то, что сами криминальные лидеры не заинтересованы в тотальной криминализации общества, поскольку основные прибыли они получают, паразитируя на традиционном лояльном социуме. В 90-х годах они предложили действенную альтернативу законной судебной системе, терпевшей фиаско, продемонстрировали эффективные методы криминального исполнения наказаний [10]. Тогда это позволило говорить о системе криминальной власти в России. Однако по мере развития рыночного хозяйства, постепенной реанимации судебной системы и органов правопорядка – эти функции оргпреступности утрачивают былую актуальность. Она превращается из системы власти в сеть криминальных «фирм», этнических группировок, корпоративных объединений в различных отраслях бизнеса и т.п., которые находятся в «динамическом

равновесии» с силами правопорядка и не претендуют на политическую власть [11].

Более серьезная угроза безопасности России как государства обусловлена массовой инфильтрацией криминала в экономическую сферу, поскольку преступные методы при равенстве прочих условий дают преимущество в конкурентной борьбе. Это позволяет получать прибыли в краткосрочной перспективе, однако в стратегическом плане влечет деградацию хозяйственного механизма в целом, лишает экономику эффективности и подрывает конкурентоспособность государства. Вопрос о том, удастся ли свести негативное влияние организованной преступности в экономике России до приемлемого минимума, не создающего системной угрозы безопасности государства, остается, по мнению авторов, открытым.

Источники и литература

1. *Бараева Н. Б.* Институциональные проявления организованной преступности / Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ. 2000. // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1116173> (дата обращения 21.06.2012).
2. Definitions of Organized Crime (collected by Klaus von Lampe). // URL: <http://www.organized-crime.de/organizedcrimedefinitions.htm> (дата обращения 20.06.2012).
3. *Тогоева О.И.* «Ремесло воровства» (несколько штрихов к портрету средневекового преступника) // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука. 1999. С. 319-324.
4. *Тэсс Л.В.* Воры «в законе» и прочие... Книга третья. Рига, 2002. С.23.
5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 467.
6. *Щекочихин Ю.П., Гуров А.И.* (интервью) Лев прыгнул! Диагноз: организованная преступность // Литературная газета. № 29, 20.07.1988.
7. *Элин А.* Михась был кандидатом два дня // Газета «Коммерсантъ». № 206 (1850), 09.11.1999.
8. *Крецул Р.* «Сейчас еще хуже, чем в 90-е». Интервью советника председателя Конституционного суда РФ В. Овчинского газете ВЗГЛЯД. 24 ноября 2010. URL: <http://vz.ru/society/2010/11/24/449934.html#> (дата обращения: 20.06.2012).
9. Криминология: Учебник / Под ред. *В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 354.
10. *Эндерсон Э.* Организованная преступность, мафия и правительство // Экономика и организация промышленного производства. 1994. № 3. С. 161.
11. *Васильков Н.* Метаморфозы итальянской мафии // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7. С. 107.